

A woman with long, dark, wavy hair is seen from behind, wearing a long, flowing white dress with intricate lace detailing on the sleeves and hem. She is standing in a lush, green forest with sunlight filtering through the trees. The title 'Мавка' is overlaid in large white letters, and the author's name 'Рина Гю Ру' is above it in a smaller, italicized font.

Рина Гю Ру

МАВКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рина Ру Мавка

<https://litres.ru/74412089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Милица оступается лишь однажды — в 1992 году, когда отказывается тянуть на дно свою жертву. Этот выбор запускает необратимую цепь событий, и теперь мир готов спросить с них по полной. Ценой её милосердия могут стать жизнь Жени и её собственное бессмертие.

Пока Феликс говорит о законах, на деле защищая лишь своё право владеть ею, Женя не хочет терять ту, кто впервые сделал его пустоту чуть менее невыносимой. Рука об руку они будут бороться за то, что успели построить: чай вдвоём, тихие разговоры и право быть рядом. Время ещё есть.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рина Гю Ру

Мавка

Глава 1

«К Милице.

Прежде всего стоит сказать, что в моей голове ты всё ещё существуешь. Истинно, это так. Да, я не шибко верил в существование сверхъестественного до твоего появления в моей жизни, и ты не рассказывала мне о том, что происходит с душами после смерти — я забыл спросить об этом. Пимен отлично справился с этой моей «проблемой», именно ему выпала возможность рассказать, что души покойных всегда где-то рядом с людьми, которые были дороги при жизни, с родными и близкими. Мне кажется, что многие люди думают так, хоть и не уверен, является ли это правдой. Да, и ты не могла этого знать. Никто, кроме Господа не ведает.

Сейчас уже спокойно. Я в силах дышать полной грудью, с верою в то, что в воздухе есть ты. Наслаждаться жизнью оказалось не так просто, и долгое время мои попытки казались тщетными. Я каждый день и каждый час (быть может, каждую минуту) думаю о жертве, на которую ты пошла. Видишь ли, я не хочу, чтобы она была напрасной.

Я вспоминаю себя неведающим о том, кем ты являешься,

и ту жуть, что впивалась в меня когтями, когда узнал обо всём. Нам не приходилось это обсуждать, но, говоря откровенно, я боялся, что схожу с ума. То было детским лепетом.

Было небезопасно по-настоящему, когда тебя не стало — вот тогда-то я на самом деле оказался на грани сумасшествия, меня приходилось успокаивать, и я отказывался верить в произошедшее. Я отпирался, смеялся и рыдал, проклинал весь белый свет, обвинял всех во всём, потом обвинял тебя. Единственное светлое, что было в моей жизни, единственное, чего я хотел — быть с тобой. Вспышка. Мне казалось, я отвернулся лишь на мгновение, а тебя уже нет, будто никогда и не было.

Я боялся спать в одиночестве. Я был в бреду, когда ходил по квартире и звал тебя, раскидывая по комнатам всё, что не прибито к полу гвоздями. Твоя тень мелькала в коридорах нашей квартиры, в стенах больницы, в которой я оказывался несколько раз. Твой лик мерещился, а я то тянулся к нему в аффекте, то кричал от испуга в те жалкие мгновения, когда меня достигала правда: тебя больше нет. А твоё возникшее из ниоткуда лицо, твой силуэт — игры собственного разума.

Пимен успокаивал меня. Он постоянно говорил, что мне нужно принять, что тебя больше нет. Мол, он понимает, что мне больно, но хоть рана ещё свежа, я должен знать правду — только теперь у меня всё будет хорошо, после твоей смерти.

Я знал, что он имел ввиду. Я и его проклинал, потому что

не хотел слышать этих слов, да, и не нужно мне было никакое «теперь» без тебя. Я хватался за его шею в попытке заткнуть, а сейчас понимаю, что он был первым, кто протянул мне руку помощи, кто решился вытащить меня с края обрыва. Дальше была бы только пропасть и ты.

Я хотел к тебе тогда. Я и сейчас хочу. Всегда буду желать — это во мне будет неизменно.

Единственное, чему я рад — ты нашла покой. Надеюсь, ты в порядке там. А пока, я уверенно и смело могу заявить, что ты тоже тоскуешь. О, как ты тоскуешь. Иногда я воображаю, будто ты посылаешь дожди в мой район, чтобы я уверовал, что ты скучаешь и любишь. Милая, я знаю это без осадков, безо всякой мишуры, без иллюзий. Прошу, не посылай больше этих ливней, иначе есть вероятность, что станет на один город на воде больше.

Пошли мне тепла, я так хочу солнца. Знаю, ты не против, скорее наоборот, ты бы на этом настаивала.

Наверняка ты в курсе происходящего. Пимен уже некоторое время назад прекратил уговаривать меня обратиться к психологу, наблюдая в моём состоянии положительную динамику. Сейчас это меня даже смешит, хоть раньше и раздражало до ужаса. Вот, допустим, я всё-таки пошёл к специалисту. Что бы я ему поведал? Ведь недостаточно просто придти и сказать, что умер мой близкий. Полагаю, что для того, чтобы помощь была эффективной, правильнее было бы ознакомить с предысторией: нужно знать кем ты была в этом

мире, а самое главное, кем ты была для меня. Я мог бы начать с того, что ты — моя венчанная супруга — была не совсем человеком, а в сущности говоря, бессмертной душой. Следовательно, умирать не должна была. Но всё-таки умерла. А мне, простому смертному, невыносимо тяжело справиться с этой утратой.

О, такой монолог обеспечил бы моё дальнейшее существование только в рамках психоневрологического диспансера, дай Бог, если частного.

Ты наблюдаешь за мной, а потому, я уверен, знаешь, что я, кто бы что не говорил, не хочу избавлять себя от этой боли, не хочу выскабливать тебя из своих воспоминаний, из своего сердца, из себя самого. Надеюсь, ты не против.

Милая, обещаю, я больше не буду страдать непрерывно, я буду только иногда оплакивать тебя. Клянусь, отныне я буду всё чаще и чаще вспоминать о тебе с улыбкой, постараюсь стать счастливым, потому что только так, любовь моя, твоя жертва не будет напрасной.

Ты же видишь эту девочку, спящую на моих руках? Узнаешь? Да, Ксения подросла, окрепла. Иногда она не слушается, отказывается от еды (честно говоря, тут я в силах понять её — моя готовка бывает провальной; редко, но метко), но это нормально для ребёнка. Мы готовимся к школе: Ксения почти выучила азбуку, почти научилась завязывать шнурки, почти научилась писать своё имя, совершенно точно знает мой номер телефона (для экстренных случаев); совершенно

точно знает, что теперь у неё моя фамилия и отчество.

Всё так, недавно я доделал документы об удочерении. Она называет меня «папой» пока что очень редко, и я стараюсь не давить, совсем немного чаще называя «дочкой». Что ж, со временем она привыкнет. Признаться, я и сам начинаю ощущать себя отцом, а её уже воспринимаю дочерью. И это так ответственно, что иногда мне становится не по себе. В тайне я фантазирую о том, как было бы здорово, если бы она могла назвать тебя «мамой». Кстати говоря, Ксюша по началу обижалась, что ты больше не приходишь, а потом, кажется, всё поняла.

Не представляю, как справился бы, не будь её рядом. Безусловно, она не средство от боли, не подумай. У неё хватает своей. Но наша девочка — замечательный ребёнок, в ней есть стержень и воля к жизни. Её улыбка радует, освещая всё вокруг. И я хочу дарить ей тепло, заботиться, стать ей опорой, хочу стать для неё родителем взаправду. Нас теперь трое, ведь отныне, Ксения — часть нашей небольшой семьи.

Как-то она сказала мне: «ничего страшного, если Мила больше не придёт». Твоё имя зазвенело в ушах, потому что я не ожидал его услышать. У меня вообще появилось ощущение, будто люди вокруг сговорились, и твоё имя теперь в списке запрещённых, из разряда тех, что вслух произносить нельзя. Я растерянно глянул на Ксению, а она дополнила, что хорошо и то, что ты в наших жизнях была. По её мнению, это значило, что ты всегда будешь в моём сердце: «всегда-все-

гда». А потом плюхнулась в мои объятия.

Ты же знаешь, любовь моя, я верю ей. Ибо устами младенца сам Бог глаголет.

Наверняка, за ней приглядывают её родители и бабушка, может ещё кто. Но и ты приглядывай, пожалуйста.

Знаю, я верю, что ты есть. Ты в воздухе, которым я дышу, ты в солнечном свете, и в каплях дождя, ты в случайных улыбках прохожих, ты — искры пламени, что греет меня. Ощущаю, как прохладными ладонями касаешься моего лица, как треплешь волосы. Я боюсь признаваться в этом даже себе, но порой я чувствую и слышу твоё дыхание.

И я не лгал, когда говорил, будто не смогу прожить без тебя и дня. Всё дело в том, что ты рядом, а впереди у нас ещё целая жизнь.

Так вот до тех пор, пока жив, я не перестану надеяться, что однажды увижу тебя в дверях нашей квартиры. Перед сном я часто представляю, как открываю входную дверь, и заходишь ты — по-детски хвастаешься новым маникюром или покупками, а потом буднично целуешь меня, скидываешь своё пальто и сумку на диван, согнувшись, вприпрыжку стягиваешь шпильки. Хвойный аромат призрачно проскальзывает мимо меня. Я мечтаю снова видеть следы твоего явного присутствия — я бы шёл по ним снова и снова, собирая всё, что ты бесцеремонно разбросала. Мечтаю снова застать тебя копошащейся в моём гардеробе, в попытке найти вещи потеплее. Ты просишь включить чайник, несёшься на кухню,

а потом у меня есть пара минут, чтобы полюбоваться тобой со спины — босая, ты в одной моей кофте завариваешь для нас этот дурацкий чай с чабрецом. Пьёшь из чайной пары, а на стенке чашки виднеются трещинки в виде паутины. Я едва раздражаюсь, а ты глядишь на меня исподлобья, чуть метая молнии. Запрещаешь выбрасывать еле живую посудинку, когда я говорю, что использовать её не совсем правильно, не гигиенично. Ты в очередной раз называешь это «кракелюром», я шумно вздыхаю, но расслабляюсь. Нет, не сержусь. В тайне радуюсь, что ты устанавливаешь в нашем доме свои порядки: теперь приправы стоят на выдвижной полке в одинаковых стеклянных баночках (раньше из приправ у меня были только две — для пельменей и молотый красный перец), вся посуда на сушилке расставлена по нарастанию (если я нарушаю порядок — ты начинаешь едва слышно ворчать, мол, сколько раз можно просить...), в ящике ложки лежат с ложками, а вилки с вилками, и всё тому подобное.

Этот порядок я не нарушаю, честно. Ведь хозяйка здесь ты, значит, как ты решила — так и будет. Можешь не верить, но я даже не думаю о том, чтобы избавиться от твоего этого кракелюра! Боюсь представить, что ты сделаешь со мной, когда придёшь домой и не обнаружишь своей чашечки.

Вот ещё что! Я жутко скучаю по твоим глазам. Скучаю по тому, как ты на меня смотрела — иногда настолько тепло, что хотелось заобнимать тебя до хруста костей и никогда не отпускать, а иногда так горячо, что одежда сама с меня сле-

тала.

Говоря своё твёрдое «нет» бесконечному унынию, я до-казываю миру, что верю в твоё возвращение. Конечно, сей-час ты где-то далеко, и до тебя не дозвониться. Но я готов бороться, и буду ждать тебя всегда. Немного боюсь, что ты можешь вернуться слишком поздно — когда я весь покро-юсь морщинами и перестану тебя привлекать, а тебе лишь останется целыми днями слушать мой старческий бред, и не забывать на ночь класть мою вставную челюсть в стакан с водой у кровати. Прошу тебя, вернись чуть раньше, чем я стану противным и сбрендившим дедом.

Надеюсь, ничего не упустил.

Ан-нет. Самое главное.

Мир мой, моя печаль и радость моя, моя Милица, помни: я буду любить вечно, вечно бороться за нас, и вечно ждать тебя.

Твой Женья.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.